

УДК 82.01

НИЖЕГОРОДСКИЕ БЫТОПИСАТЕЛИ СМИРНОВЫ

© 2008 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 14.05.2008

О творческих судьбах писателей-краеведов отца и дочери Дмитрия Николаевича и Веры Дмитриевны Смирновых, о значимости и актуальности их книг, посвященных родному краю и землякам.

Ключевые слова: «серебряный век», нижегородский, краеведческий, литературный, портрет, судьба, писатель.

I

Подумаешь, право, что в России везде, кроме столиц, люди спят себе и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это вовсе неправда: в провинциях-то и живут люди рассуждающие, с любовью интересующиеся наукой и литературой, серьезно следящие за современным направлением мысли.

Н.А. Добролюбов

В литературоведении и в обыденном сознании весьма живучи пресловутые литературоцентричные концепции, «прописывающие» чуть ли не всех наших классиков на Арбате или Невском!.. А ведь и в провинции кипела литературная жизнь. Вот сейчас как бы правилом хорошего тона стало говорить о Серебряном веке русской культуры, но сплошь да рядом в ходу все те же Москва да Питер.

И в Нижнем, к примеру, был свой Серебряный век. Не случайно его видный представитель, энтузиаст-краевед А.Н. Свободов, называл наш город «литературным гнездом». Немало замечательных талантов выросло здесь, а некоторые из нижегородцев на всю Россию гремели; считали за честь побывать у нас знаменитые писатели, уроженцы иных мест – и благодарные слагались строки за открывшиеся творческие горизонты, за приобщение к тайнам национального бытия. Как тут не вспомнить еще одну характеристику Нижнего: «царственно поставленный город»!

И первейший долг живущих здесь, конечно же, всецело познать *свое, себя* – именно это дает право говорить о России, представлять за общенациональное достояние. Чтобы быть по-настоящему русскими, им надо прежде всего почувствовать себя нижегородцами.

К осознанию этих, в сущности, простых истин (а, как известно, труднее всего дается именно простое) подвигли меня когда-то, в частности,

книги Д.Н. Смирнова «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков» и «Картинки нижегородского быта XIX века». Написанное им убедительнее и нагляднее многих ученых монографий показало истоки и предпосылки экономического и культурного взлета России в эпоху конца XIX – начала XX веков – эпоху, ставшую триумфом наших замечательных соотечественников, вошедших в историю как люди Серебряного века. А ведь и Дмитрий Николаевич был одним из таких, хотя, к примеру, своими литературными пристрастиями соответствовал скорее XIX столетию: предпочитал классиков, в особенности Некрасова, модернистов же принципиально не принимал. Впрочем, не зря говорят, что все в мире относительно: и символист Андрей Белый, неистовый поборник новейшего искусства, лучшую свою книгу – «Пепел» – написал в традициях того же Некрасова и ему посвятил, а его современник, петербургский студент Смирнов, будущий автор исследований нижегородской старины, в своих письмах к невесте, иронизируя над ним и другими столичными знаменитостями («Андреем Белым, Зеленым, Черным, Красным...»), «...не стоящими мизинца автора “Обрыва”, не достойными развязать ремень у обуви творца “Войны и мира” [1], вдруг неожиданно для себя дал восторженную характеристику едва ли не самому скандальному новатору — Игорю Северянину...

Вызывает недоумение: почему Дмитрий Николаевич с его обостренным интересом к бытовой доминанте исторического процесса не написал об этой эпохе отдельной книжки. Ведь он многих деятельных фигур ее (в частности, литераторов Б. Садовского, И. Рукавишников и др.) знал не только с литературной, но и с «домашней» стороны. Был свидетелем грандиознейших перемен во всех сферах частной и общественной жизни, участником уникальнейших событий...

Ознакомление с творческим архивом Д.Н. Смирнова сняло все вопросы: оказывается, такая книга была им написана. И называлась она по-смирновски просто и убедительно – «Очерки жизни и быта нижегородцев конца XIX – начала XX веков». Да вот только не была напечатана при жизни автора: тогдашние идеологи не позволили. Два десятилетия рукопись хранилась у наследников писателя — и только в 2001 году состоялась долгожданная публикация¹. Она вызвала живейший интерес у читателя.

Смирновские «Очерки...» – это колоритнейший, сочный язык, точно найденная интонация, научная строгость и популяризаторская раскованность... Освещены жизнь и быт представителей всех тогдашних сословий, возрастных групп. В поле внимания не только губернский центр, но и пригороды, уездные поселения.

Рамки настоящей статьи не позволяют полнее сказать о книге Д.Н. Смирнова. Выделю лишь главу, меня как филолога особенно заинтересовавшую, – о нижегородцах-литераторах. В ней свыше ста (!) биографий. Прозаики, поэты, драматурги, журналисты, книгоиздатели... О многих из них даже специалисты сегодня не знают. Ценнейший материал! Без него теперь не обойдется ни одно серьезное литературоведческое исследование.

II

Точно установлено (хотя и без признания одной из заинтересованных сторон), что ты — «папина дочка», т. к. в тебе преобладание отцовских «генов», или, точнее, клеток его индивидуума, так что, как ты ни рыпайся, тебе суждено пройти жизненный путь, «похожий» (ставлю кавычки, чтобы ярче оттенить свою мысль) на тот, к которому постоянно, в течение многих десятилетий, толкали твоего отца индивидуальные особенности его натуры... Я не жалею о пройденном этапе моей жизни, хотя многие считают ее (мою жизнь) своеобразной (короче сказать, оригинальной и даже эксцентричной), надеюсь, не будешь жалеть и ты, следуя всегда бессознательным велениям сердца, а не трезвым расчетам.

Из письма Д.Н. Смирнова к дочери Вере.
1939 год

Папа был в таком восторге от твоего письма, что все ходил по комнате и ругался, что «talant пропадает». Вот учти — может быть, переключиться на литфронт!?

Из письма В.П. Смирновой к дочери Вере.
1939 год

Увы, любимый поэт Смирновых Некрасов в конце своей жизни написал: «Я никогда не имел времени да и терпения перечитать кипу родословных бумаг, которые хранились в старом доме» [2]. Явный диссонанс для нашего повествования. Но, как бы сказал Дмитрий Николаевич, ничего тут не попишешь.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал...
Иная жизнь. Иная судьба...

Вера Дмитриевна же, дочь Дмитрия Николаевича, на изучение родословной и время, и терпение имела. Сберегла до последнего листочка семейный архив, с любовью и тщанием перечла, систематизировала, навела нужные справки у родственников-старожилов. И конечно же, ценнейшую информацию почерпнула у отца, побуждая его к воспоминаниям.

Дмитрий Николаевич всячески поддерживал дочь в ее увлечении: ему хотелось, чтоб та продолжила его краеведческое дело, пусть и в узком плане, в воссоздании истории своего рода.

И таковое свершилось. Перед нами первая книга «папиной дочки» – и четвертая в общем семейном зачете...

«Смирновы из Нижнего Новгорода» писались в 80-е и 90-е годы прошлого века, когда Вера Дмитриевна была уже на пенсии и появилась возможность максимально сконцентрироваться на ставшей главной теперь работе. Кое-что публиковалось. Публикации запомнились, однако их эпизодичность и разрозненность не способствовала тому, чтобы по-настоящему оценить истинное значение написанного Верой Дмитриевной. Когда же все объединилось в книгу (*собралось в один фокус* – невольно вспомнилось тургеневское о первом сборнике стихотворений того же Некрасова) и составилось цельное восприятие, можно было смело сказать: выход «Смирновых из Нижнего Новгорода» – событие в литературной жизни нашего города.

Сведенные *воедино, в фокус*, некрасовские стихотворения, по Тургеневу, «жгутся» [3]. Очерки же поклонницы их воздействуют принципиально иначе. Эмоциональное состояние после них как нельзя более точно описывается хрестоматийной строчкой также дорогого для Веры Дмитриевны поэта, с которым она когда-то, давным-давно, ребенком, в буквальном смысле научилась читать: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...»

Судьбой определено, что едва ли не всегда отныне краеведческо-мемуарные очерки В.Д. Смирновой будут восприниматься читателем в контексте писательского наследия ее отца: у них, интересных самих по себе, самодостаточ-

ных, есть замечательнейшее качество – они способствуют более глубокому пониманию самобытнейших книг Д.Н. Смирнова. Конкретизация этого тезиса побуждает вновь обратиться к классике, к творчеству еще одного ценимого Смирновыми мастера, Льва Толстого, — вспомнить критическую оценку «Войны и мира». Сразу же оговорюсь: пример этот вовсе не для сопоставления в литературном отношении – это было бы верхом легкомыслия; мне интересно проследить, как опыт великой национальной эпопеи, уникальный для своего времени, преломился в краеведческих книгах Д.Н. Смирнова (вполне возможно, и независимо от него) и как солидарны – в близорукости, нечуткости, отсталости мышления – оказались в обоих случаях рецензенты.

В самом деле, за что критиковали книги Д.Н. Смирнова? Да за то же, за что и, почти веком ранее, «Войну и мир» – за органичное соединение исторической жизни и частной, бытовой, семейной. К месту будет привести здесь яркое, эмоциональное суждение А. Фета, одного из немногих, кто проницательно прочитал «Войну и мир»: «Я понимаю, что главная задача романа – выворотить историческое событие наизнанку и рассматривать его не с официальной, шитой золотом стороны парадного кафтана, а с сорочки, то есть рубахи, которая к телу ближе» [4].

Этот взгляд «с сорочки, то есть рубахи, которая к телу ближе», характерен и для книг Д.Н. Смирнова. И для мемуаристики его дочери особенно. Здесь, фигурально, «сорочки» выходят на первый план: они и субъект, и объект изображения, в них и на них – весь интерес. В центре внимания именно частная, семейная, домашняя – *малая* – жизнь как та первооснова, та почва, в которой зреют зерна жизни *большой*, вне пределов дома, для Истории.

...Крестины и именины, пасхальные и рождественские застолья, чтения у камина, нянины сказки, балы и свидания, любовные письма... Бабушки и дедушки, родители, кузены и кузины...

Все настолько привычно, житейски традиционно, что даже как бы безмянно. Но возникает второй план – и вот они, имена! И какие! Декабрист И.А. Анненков в роли гипотетического сородича. Директор Нижегородского общественного банка Н.А. Смирнов, первым в городе внедряющий у себя (дома!) мировые технические новшества. Знаменитый писатель-краевед Д.Н. Смирнов, книги которого разошлись по всему Советскому Союзу...

Подобное одомашивание жизни, в которой присутствуют уже и люди исторические или готовящиеся стать таковыми, поистине восхитительно. Я мог бы привести множество на этот счет примеров, особенно меня захвативших, од-

нако в рамках данной публикации это не представляется возможным. Кратко обобщу лишь относящееся к Д.Н. Смирнову. Взгляд автора «Смирновых из Нижнего Новгорода» прежде всего – на нем. Этот домашний ракурс позволяет увидеть истинного Смирнова. Четко представляешь теперь, *что* предопределило его склонность в своих историко-краеведческих ретроспекциях идти «от сорочки» (отчего такими органичными получались его бытовые зарисовки) и сколь драматично переживались им ситуации, вынуждавшие порой приноравливаться к официально-парадному «кафтану»... Наверняка вспоминались тогда горькие строки дорогого сердцу Некрасова:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... –

в них типичная судьба писателя тоталитарной эпохи, обреченного идти на частные идеологические уступки в целях защиты главного дела всей жизни – *Книги как достояния* всего общества; умный читатель, конечно же, хорошо понимал это – и *звук неверный* (к чести подлинного мастера, явление единичное) шел мимо него, в душу же и сердце западало истинное, сокровенное, что и хотел сказать автор, и посрамленными оказывались цензоры...

Книга Веры Дмитриевны в совокупности своей – замечательный психологический портрет писателя, выдвинутого нижегородским родом Смирновых. Портрет тем более убедительный, что в разработке его, говоря по-ученому, использован принцип полифонизма: личные впечатления автора дополняются и корректируются многочисленными эпистолярными свидетельствами как самого Дмитрия Николаевича, так и родственников, друзей, знакомых. И потому хочется доверять книге всецело.

Непосредственность и органичность сюжетного материала, занимательность рассказа, зримость образов и картин, свежесть и точность слога – все это решительно выделяет краеведческо-мемуарные очерки В.Д. Смирновой из современной литературы подобного жанра, где зачастую одна лишь фактура и нет жизни, души человеческой. Отличительная особенность и, конечно же, важнейшее достоинство повествования о Смирновых из Нижнего Новгорода – давать как раз ощущение жизни, *одной с ними* жизни; читаешь – и почти полуторавековая история, *наша* история, как день сегодняшней: ее видишь, слышишь, осязаешь – и как-то по-свойски все, по-домашнему – и сами собою приходят привычные милые сердцу образы... Предновогодье; уютная комната в старинном

доме, пейзажи и дмитриевские портреты, книги в золоченых переплетах. И... самовар (как без него?!), «чайный король», по выражению поэта С. Клычкова, созвавший для сокровенного общения многочисленное семейство.

Примечание

1. Книга издана с несколько измененным названием – «Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века».

Список литературы

1. Смирнова В.Д. Смирновы из Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2007. С. 136.
2. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Критика, публицистика, письма. СПб.: Наука. Т. 13. Кн. 2. С. 52.
3. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л., 1961–1968. Т. 3. С. 58.
4. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962. С. 264.

THE SMIRNOVS, PORTRAYERS OF ORDINARY LIFE IN NIZHNI NOVGOROD

Yu. A. Izumrudov

The article deals with the lives and work of local historians and writers, Dmitry Nikolayevich Smirnov and his daughter Vera Dmitrievna Smirnova, emphasizing the significance and relevance of their books about their native land and fellow countrymen.